

Посвящается Энтони

ДЖЕЙН БОЛЕЙН

Бликлинг-холл, Норфолк, июль 1539 года

Ну и жара! Только знойный ветер носится над полями и болотами, распространяя миазмы лихорадки. Был бы жив муженек, не сидели бы мы в такую погоду на одном месте, поглядывая на свинцово-серые рассветы и кроваво-красные закаты. Нет, мы бы путешествовали с королевским двором по поросшим лесом пустошам и равнинам Гемпшира и Суссекса — не найдешь в Англии земель богаче и краше. Скакали бы верхом по холмистым дорогам, стараясь первыми увидеть между зелеными ветвями проблеск морской глади. Охотились бы каждое утро, обедали под тенистыми сводами вековых деревьев, а по вечерам, в желтом свете посверкивающих факелов, танцевали бы в парадных залах загородных домов. Самые знатные семьи страны искали бы нашей дружбы, мы — фавориты короля, родственники королевы. Все бы нас любили, ведь мы Болейны — самое блестящее и утонченное семейство Англии. Невозможно смотреть на Джорджа и не желать его, нельзя устоять против Анны, и даже передо мной заискивают, надеясь добиться их внимания. Черноглазый, с темными густыми волосами, ослепительно красивый, на самом лучшем коне, Джордж всегда рядом с королевой. Красота и ум Анны — колдовская прелесть темного меда — затмевают все. И я неподалеку.

Лошади мчатся рядышком, шея к шее, голова к голове, брат и сестра скачут, словно пара любовников.

Пронесаются мимо, и даже грохот копыт не заглушает воркующего смеха. Гляжу на них, таких богатых, юных и прекрасных, и просто ума не приложу, кого люблю больше.

Весь двор, казалось, сошел с ума, влюбленный в этих двоих, очарованный темными болейновскими глазами, головокружительным образом жизни брата и сестры. Они и впрямь игроки, любители риска, страстные реформаторы церкви, хитроумные, быстрые спорщики, читатели рискованных книг, смело рассуждающие обо всем на свете. Эта парочка любому вскружит голову, от короля до последней посудомойки. И теперь, три года спустя, я все еще не могу поверить, что никогда их больше не увижу. Не могли же они, такие молодые, столь полные жизни, умереть? В моей памяти, у меня перед глазами, они все еще скачут рядышком, юные и прекрасные. Как же мне хочется, чтобы видение обернулось правдой! Только три года прошло с тех пор, как я видела их в последний раз, три года два месяца и десять дней с той минуты, когда его пальцы беззаботно коснулись моих, он улыбнулся и сказал: «День добрый, женушка, пора идти, у меня сегодня много дел». Утро майского дня, турнир скоро начнется. Я знала, что брат с сестрицей в беде, но еще не понимала, что все потеряно.

Теперь совсем другая жизнь, я шагаю каждое утро к деревенскому перекрестку, откуда начинается дорога в Лондон. Там стоит пыльный, в грязи и лишайнике камень, на нем вырезано: «Лондон, 120 миль». Как же далеко, как же это далеко! Каждый день я наклоняюсь и трогаю камень, словно он талисман какой-то, а потом возвращаюсь в отцовский дом, непереносимо тесный для той, что жила в королевских палатах. Брат с женой держат меня здесь из милости, им до меня никакого дела нет. Еще мне полагается маленькая пенсия, ее выплачивает Томас Кромвель, ростовщик и выскочка,

новый закадычный дружок короля. Я, словно бедная соседка, живу в тени роскошного дома, когда-то мне принадлежавшего, — дома Болейнов в одном из наших имений. Живу незаметно, в забвении, вдова без поместья, никому, ни одному мужчине на свете не нужная.

Кто меня захочет, вдову без собственного дома? Я привлекательная женщина, только мне уже под тридцать, и от недовольства судьбой лицо покрылось морщинами. Я — мать, но сын мой неизвестно где; вдова, но на повторное замужество нечего и рассчитывать. Я — наследница ужасного скандала, единственная, кто уцелел из всей злосчастной семейки.

Но во мне жива мечта о том, что в один прекрасный день судьба переменится. Я увижу посланца, одетого в цвета дома Говардов, он протянет мне письмо — письмо от герцога Норфолка, призывающего меня обратно ко двору. Я мечтаю, чтобы для меня снова нашлось дело — прислуживать королеве, распускать сплетни, вынашивать коварные замыслы, вести подобающую искусному придворному бесконечную двойную игру. Герцог Норфолк — отменный мастер интриги, а я — его лучшая ученица. Я мечтаю, чтобы мир опять изменился, перевернулся с головы на ноги, тогда мы окажемся наверху и я вернусь к нормальной жизни. Однажды, когда нам всем грозила смертельная опасность, мне удалось спасти герцога, а теперь он спасет меня. Жаль только, не удалось нам выручить тех двоих, ту парочку, что теперь скачет верхом, смеется и танцует лишь в моем воображении. Еще раз касаюсь придорожного камня и представляю себе посланца — он обязательно появится завтра. Протянет мне бумагу, запечатанную перстнем, — говардовский герб, глубоко вдавленный в красный сургуч.

— Для Джейн Болейн, виконтессы Рочфорд, — объявит он, недоуменно глядя на мое простое платье с запыленным подолом.

— Я возьму письмо. Я и есть Джейн Болейн. Как же долго я ждала! — И вот оно уже в моих грязных пальцах, мое наследство.

АННА, ГЕРЦОГИНЯ КЛЕВСКАЯ

Дюрэн, Клеве, июль 1539 года

Едва осмеливаюсь вздохнуть. Сижу как колода, на лице застыла улыбка, во все глаза смотрю на художника. Надеюсь, произвожу хорошее впечатление. Открытый взгляд означает искренность, а не нескромность. Взятые займы драгоценности, лучшее, что матери удалось достать, должны показать разборчивому наблюдателю — мы не какие-нибудь нищие, пусть даже брат не может дать за мной порядочное приданое. Король выберет меня за приятную внешность и политические связи. Больше мне нечего предложить. Но он должен выбрать меня. Я твердо решила: он выберет меня. Все годится, лишь бы выбраться отсюда.

Здесь же, в комнате, стараясь не смотреть, как под быстрыми широкими движениями мелка рождается мой портрет, ждет своей очереди сестра. Господи, прости меня, но я молюсь, чтобы король не выбрал ее. Она не меньше меня жаждет вырваться из Клеве, достичь высокого положения, стать королевой Англии. Но ей это не так нужно, как мне. Никому в целом свете это не может быть нужнее, чем мне.

Я не скажу ни одного слова против брата, ни сейчас, ни потом, даже через много лет. Никогда, ни единого слова. Он образцовый сын своей матери, достойный наследник титула герцога Клевского. В последние месяцы жизни моего бедного отца, потерявшего разум, превратившегося в совершенного дурачка, кто, как не брат, запер его в спальне и объявил, что у герцога лихорадка? Именно брат не позволил матери позвать вра-

чей или хотя бы проповедников, чтобы изгнать дьяволов, поселившихся в его больном сознании. Коварно, словно бык, что нападает неторопливо, исподтишка, брат решил: мы должны объявить отца пьяницей, прежде чем позорное пятно сумасшествия ляжет на репутацию семьи. Но с помощью клеветы, объявив отца горьким пьяницей, отказав ему в необходимой помощи, мы еще сможем подняться. Меня достойно выдадут замуж. Сестру достойно выдадут замуж. Сам брат сможет удачно жениться, мы обеспечим будущее семьи, а отец пусть в одиночестве, без всякой помощи сражается с одолевающими его демонами.

Я так и слышу, как отец скулит за дверью спальни — обещает хорошо себя вести, пусть его только выпустят. Слышу спокойный и решительный ответ брата: «Нельзя». Может быть, мы все ошибаемся и брат не менее безумен, чем отец, да и мать тоже? Только я в своем уме, раз немею от ужаса, вспоминая о том, что мы направили.

С самого раннего детства я подчинялась брату. Он рожден стать герцогом этих земель, укрытых между Маасом и Рейном. Небольшое наследственное имение так хорошо расположено, что все державы Европы ищут нашей дружбы: Франция, Габсбурги испанские и австрийские, император Священной Римской империи, сам папа римский и теперь — Генрих, король Англии. Клеве — ключ к сердцу Европы, немудрено, что герцог Клевский высоко себя ставит, он имеет на это полное право. На самом-то деле он просто мелкий князек, сидящий на дальнем конце стола на великом пиру христианского мира. Но этими мыслями я не делюсь даже с сестрой Амелией, потому что никому полностью не доверяю.

Он управляет нашей матерью по праву своего высокого положения в мире, и она — его лорд-казначей, его мажордом. С ее благословения он распоряжается сестрой и мной, ведь он сын и наследник, а мы только

обуза. Его в будущем ждет власть, перед ним открываются широкие возможности, а мы — молодые девушки, в лучшем случае нам уготована роль жены и матери, в худшем — участь старых дев, никому не нужных нахлебниц. Моя старшая сестра Сибиλλα уже спаслась, она покинула дом, как только смогла, как только была устроена ее свадьба, теперь она свободна от деспотизма братской заботы. Я должна стать следующей. Я буду свободной. Они не допустят такой бессмысленной жестокости, не поставят Амелию на мое место. Ее время придет, у нее тоже будет шанс. Но я следующая по старшинству, теперь моя очередь. Я даже не понимаю, зачем вообще предлагать Амелию, разве чтобы принудить меня к еще большей покорности? Если так, план сработал. Я в ужасе: мне могут предпочесть девушку помоложе, и брат допустит такую несправедливость. Сказать по правде, он пренебрежет даже своими интересами, лишь бы меня помучить.

Мой брат — жалкий герцог, во всяком смысле слова. Когда умер отец, так и не уговорив никого отпереть двери, брат занял его место, но разве их можно сравнивать? Отец — человек мира, он бывал при дворах Франции и Испании, путешествовал по Европе. Брат сидит дома, он уверен — в мире нет ничего лучше его собственного герцогства. Нет более великой книги, чем Библия, нет более красивой церкви, чем наша с голыми стенами, нет лучшего советчика, чем собственная совесть. Герцогский двор невелик, тем тяжелее немногочисленным слугам. Наследство мало, а главная забота брата — тешить собственную гордость. Мне гордости не хватает, и его высокое положение всей тяжестью давит на меня. Когда он доволен или пьян, зовет меня самой непокорной из своих подданных и треплет тяжелой рукой по плечу, когда же трезв или сердит, кричит, что девчонка должна знать свое место, и грозит запереть покрепче.

В Клеве это не пустая угроза. Этот человек запер собственного отца. Разве он не способен проделать то же самое с сестрой? И что толку рыдать за дверью — никто не придет на помощь.

Мастер Гольбейн коротким кивком велел мне встать, а сестре сесть на мое место. Мне запретили смотреть на портрет. Мы не увидим, что он посылает королю Англии. Он здесь не затем, чтобы льстить или делать из нас красавиц. Просто в меру своего таланта он должен набросать точный образ, и пусть король Англии сам выбирает, которая ему больше нравится, словно мы фландрские кобылы и нас отправляют к племенному жеребцу.

Сестра заторопилась на свое место, мастер Гольбейн взял чистый лист бумаги, проверил кончик пастельного мелка. Мастер Гольбейн видел нас всех, всех кандидаток на место королевы Англии. Он рисовал Кристину Миланскую, Луизу и Анну Гиз, Марию Вандом. Я не первая, чей нос он измерял, сощурив один глаз, держа мелок на расстоянии вытянутой руки. Насколько я знаю, после моей сестры Амелии будет еще одна девушка. По дороге в Англию он может вернуться во Францию, бросить хмурый взгляд еще на одну жеманную девчонку, ухватить сходство, запечатлеть недостатки. И ни к чему чувствовать себя униженной.

— Вам не нравится позировать? Стесняетесь? — спрашивает художник.

Улыбка сползает у меня с лица, он смотрит на модель как на кусок мяса на кухонном столе. Не выдам своих чувств, к чему снабжать шпиона информацией?

— Хочу выйти за него, — только и говорю я.

Он поднимает одну бровь.

— Я всего лишь пишу картины. Лучше открыть сердце послам короля, здесь Николас Уоттон и Ричард Берд. Какой смысл говорить со мной?

Сию под окном, в парадном платье жарко, тесно, служанки вдвоем едва сумели затянуть тесемки тугого корсажа. Меня освободят, только когда картина будет закончена. Амелия, склонив голову, кокетливо, с сознанием собственной красоты улыбается художнику. Бог не допустит, чтобы она ему понравилась. Он не напишет ее как есть — пухленькой, куда более хорошенькой, чем я. Ей же все равно, ехать или не ехать в Англию. Ах, какое торжество, какой взлет — младшая дочь бедного герцога станет английской королевой! Это вывсит ее, нашу семью, весь народ Клеве. Но мне просто необходимо вырваться отсюда! Я почти в отчаянии.

Раз обещала не смотреть на рисунок, значит не буду. Хотя я всего лишь девчонка, слово свое держу. Вместо этого смотрю в окно, на внутренний двор нашего замка. Из леса доносятся звуки охотничьего рога, решетчатые ворота распахиваются, въезжают охотники, впереди — мой брат. Он поднимает глаза, и я не успеваю отпрянуть. Опять я рассердила его. Не должна я торчать у окна, где каждый может меня увидеть. Хотя он не успел хорошенько меня рассмотреть, чувствую, он заметил, что я туго затянута, квадратный вырез платья низко опущен, хоть муслиновый шарф и прикрывает меня до самого подбородка. Я поежилась от его пристального взгляда. Он рассержен, но не признается в этом. Виду не подаст, что недоволен моим нарядом. Это бы еще можно понять, так нет, начнет сердиться неизвестно на что. В одном я совершенно уверена — сегодня или завтра мать позовет меня к себе в комнату, а он будет стоять за креслом, отвернувшись, или как раз войдет, будто совершенно ни при чем, будто это его вовсе не касается, а мать начнет выговаривать мне тонном глубочайшего неодобрения:

— Анна, я слышала, ты...

А дальше последует что-нибудь, случившееся много дней назад, то, о чем я уже позабыла, а он отложил в памяти до сегодняшнего дня. И я окажусь виновата,

возможно, меня даже накажут, и брат ни словом не обмолвится о том, что видел меня в окне, слишком хорошенькую, и в этом-то я только и виновата перед ним.

Когда я была маленькой, отец называл меня своим Falke¹, белым соколом, охотничьей птицей холодных северных снежных просторов. Застанет меня за книгами или шитьем, рассмеется и позовет:

— Мой маленький сокол, тебя посадили в клетку? Иди сюда, я дам тебе свободу!

И тогда даже мать не могла удержать меня в классной.

Как бы я хотела, как бы я хотела, чтобы он снова позвал меня!

Мать считает меня дурой, а брат — и того хуже, но, если я стану королевой Англии, король сможет доверять мне — я не увлекусь французской модой или итальянскими танцами. Я заслуживаю доверия, король может смело вверить мне свою честь. Я знаю, как важна честь для мужчины, и у меня одно желание — стать хорошей женой и хорошей королевой. И я верю: как ни суров король Англии, он позволит мне сидеть у окна во дворце. Что бы ни говорили о Генрихе, думаю, он честно скажет, в чем я перед ним провинилась. Он не прикажет моей матери побить меня за что-то совершенно другое.

ЕКАТЕРИНА

Норфолк-хаус, Ламбет, июль 1539 года

Посмотрим, посмотрим, что у нас тут?

Тоненькая золотая цепочка покойной мамочки — шкатулка для драгоценностей с одной-единственной цепочкой выглядит пустовато, будем надеяться — появятся и другие украшения. Три платья, одно совсем

¹ Сокол (нем.).

новое. Французское кружево — отец прислал из Кале. С полдюжины лент. А еще у меня есть я, совершенно восхитительная я! Мне четырнадцать, можете себе представить? Четырнадцать! Юная особа, благородного происхождения, небогатая, как ни печально, зато — какое чудо! — влюблена. Бабушка-герцогиня подарит мне что-нибудь на день рождения, непременно подарит. Я ее любимица, она позаботится, чтобы внучка выглядела понаряднее. Может быть, шелк на платье или денег — ленту новую купить. Вечером подружки устроят праздник в мою честь. Время спать, но раздастся условный стук в дверь, и мы бросимся открывать. Я, конечно, начну возражать, будто мне охота праздновать только с девушками, словно я не влюблена по уши во Фрэнсиса Дирэма. Да я весь день провела в мечтах о нем! Скорей бы ночь! Еще пять часов — и я его увижу! Нет! Только что посмотрела на бабушкины французские часы — четыре часа и сорок восемь минут. Сорок семь минут.

Сорок шесть. Сама поражаюсь, меня словно околдовали. Так бы и сидела, глядя на часы. Это будет любовь самая страстная, самая преданная — ведь я способна на необыкновенно глубокие чувства.

Сорок пять. Конечно, я ни за что не выдам своих чувств. Умру от смущения, если признаюсь первая. Или от любви. Только моя лучшая подруга Агнесса Рестволд все знает, но я заставила ее поклясться — она и под страхом смерти не выдаст тайну, а если выдаст, то смерть предательнице. Она говорит — пусть ее повесят, четвертуют, никто не узнает, что я влюблена. Пусть растянут на дыбе, разорвут на куски — она будет молчать. Я еще Маргарите Мортон сказала, она тоже обещала держать язык за зубами — пусть ее бросят в яму к медведям или на костре сожгут, она не вымолвит ни словечка. Это хорошо, одна из них непременно проговорится, и уже к вечеру мой любимый узнает, как он мне нравится.

Я с ним знакома несколько месяцев — полжизни. Раньше мы просто переглядывались, теперь он улыбается и здоровается, а однажды назвал меня по имени. Он придет вместе с другими сегодня ночью. Пусть думает, что влюблен в Джоанну Булмер. Да у нее глаза навывкате, как у лягушки, будь она чуть посуровее с теми, кто ей нравится, на нее никто бы и не взглянул. Но она держит себя очень вольно, так что пока он на меня поглядывает нечасто. Это нечестно. Она старше лет на десять, замужем, но знает, чем привлечь мужчину, а мне многому еще предстоит научиться. Дирэму тоже за двадцать. Все считают меня ребенком, но я далеко не дитя. Я им еще покажу! Мне четырнадцать, это время любви. И я так влюблена во Фрэнсиса Дирэма, что умру, если не увижу его сегодня. Четыре часа сорок минут.

С завтрашнего дня все изменится. Мне исполнилось четырнадцать, и теперь, конечно, все будет по-другому. Я точно знаю. Надену новый французский чепец, скажу Фрэнсису Дирэму — мне уже четырнадцать. Пусть видит — я стала настоящей женщиной, взрослой, опытной. Посмотрим, долго ли он будет торчать возле лупоглазой старухи, когда достаточно три шага пройти, чтобы оказаться в моей постели.

Это правда — я уже была влюблена, но к Генри Мэноксу я ничего подобного не испытывала. Он лжец, если утверждает, что я его любила так же сильно. Генри Мэнокс годится для деревенской девчонки, разыгрывающей невинность, ничего не понимающей ни в поцелуях, ни в объятиях. Первый поцелуй мне даже не понравился, я умоляла его перестать, а уж когда он мне под юбку залез, вообще подняла крик. Мне было только одиннадцать, я ничего не понимала. Зато теперь я знаю, что может понравиться взрослой женщине. Три года в девичьей спальне научили меня всем уловкам флирта. Теперь я знаю, что мужчине нужно и когда можно пококотничать, а когда пора остановиться.

Доброе имя — мое единственное приданое. Бабушка не устает повторять — другого у тебя нет. Злобная старая кошка! Никто не посмеет сказать, что Екатерина Говард забыла свой долг перед семьей. Я уже не ребенок. Генри Мэнокс набивался ко мне в любовники, когда я была деревенской девчонкой, почти ничего не смыслила, никого не видела, во всяком случае никого стоящего. Я ему чуть не отдалась — он неделями меня улещивал и запугивал и в конце концов сам отступился, испугался, что застукают. Что бы о нас подумали, все-таки ему уже двадцать, а мне только одиннадцать. Мы собирались подождать года два. Но я больше не похоронена заживо в Суссексе! В Ламбете сам король в любой день может проехать мимо наших дверей, архиепископ — ближайший сосед, дядюшка Томас Говард, герцог Норфолк, приходит к нам в гости со всей своей свитой, а однажды даже вспомнил, как меня зовут. Генри Мэнокс — уже пройденный этап. Я больше не та простушка, которую он потихоньку улещивал, уговаривал с ним целоваться и чуть не заставил пойти еще дальше. Теперь я выше этого. Я — Говард, и меня ждет большое будущее.

Одно меня тревожит. В моем возрасте уже пора отправляться ко двору, мое место при королеве, я же Говард — но у нас нет королевы! Королева Джейн умерла в родах — мне кажется, можно было постараться выжить, а так получается, что фрейлины теперь ни к чему. Так неудачно! Нет девушки несчастнее меня — мне стукнуло четырнадцать, я живу в Лондоне, а королева возьми и умри, теперь двор на годы погрузился в траур. Иногда мне кажется — весь мир против меня в заговоре. Неужели мне суждено жить и умереть старой девой?

Какой смысл быть красавицей, если этого никто не видит, если никто из придворных меня даже не знает? Сегодня же с тоски утопилась бы в Темзе, кабы не мой

сладчайший, прекраснейший возлюбленный — Фрэнсис, Фрэнсис, Фрэнсис!

Он — моя последняя надежда. А ведь я могу выиграть весь мир! Зачем же всеведущему и всемогущему Богу было создавать меня такой красоткой, если не для великого будущего? У Него ведь есть план? Нет, Он в премудрости Своей не оставит меня пропадать в Ламбете.

ДЖЕЙН БОЛЕЙН

Бликлинг-холл, Норфолк, ноябрь 1539 года

Наконец оно пришло, теперь, когда дни стали короче и я с ужасом готовилась еще к одной зиме в деревне. Оно пришло, долгожданное письмо. Кажется, я его ждала целую вечность. Теперь жизнь начнется снова. Вернусь к ярко горящим свечам дорогого воска, теплу жаровни, полной угля, в круг друзей и соперников, к музыке, вкусной еде и танцам. Благодарение Богу, меня вызывают обратно, я снова окажусь при дворе, буду прислуживать новой владычице. Герцог, мой учитель и покровитель, опять нашел мне место при опочивальне королевы. Буду прислуживать новой королеве Англии. Буду служить Анне Английской.

Имя звучит в ушах набатным колоколом: королева Анна, еще одна королева Анна. Уж верно и советники короля, обсуждая новый брак, не раз вздрагивали от этих слов, не раз их мороз по коже пробирал. Не забыли же они, сколько несчастий на нас всех навлекла первая Анна. Бесчестье королю, пагуба всему семейству, а мне — потеря всего на свете. Как забыть мои страдания! Но нет, похоже, мертвая королева давно уже исчезла из памяти. Вот уже появилась новая королева Анна, другая Анна, а моя королева Анна, сестрица, обожаемая подруга, мучительница, стала туманным

воспоминанием, да и то лишь моим. Порой мне кажется, что на всю страну я единственная, кто ее еще помнит. Порой мне кажется, что на всем белом свете я одна, кого еще волнует прошлое, я последняя, на ком лежит проклятие памяти.

Она мне нередко снится. Во сне всегда такая же молодая, смеющаяся, беспечная, озабоченная только чередой бесконечных удовольствий. Чепец сдвинут на затылок, из-под него выбиваются черные пряди, рукава длинные, по последней моде, слова произносит подчеркнуто на французский манер. Подвеска в форме буквы «Б» на шее гордо провозглашает: королева Англии — истинная Болейн. Мне снится, что мы в залитом солнцем саду, Джордж весел и счастлив, мы сидим рядом, держась за руки, а Анна улыбается нам обоим. Мне снится, что мы скоро станем богаче всех на свете, у нас будут поместья, замки и земли. Дома наши построят из камня разрушенных аббатств, расплавят кресты нам на украшения. Будем есть рыбу из монастырских прудов, наши гончие понесутся по монастырским землям. Аббаты и приоры отдадут нам свои жилища. Вся страна станет служить нашей славе, богатству и увеселениям. И в этот самый момент я просыпаюсь и лежу в темноте, трясаясь от страха. Сон — сплошное величие, а наяву — леденящий ужас.

Хватит предаваться мечтам! Я снова заживу при дворе как ближайшая подруга королевы, ее постоянная наперсница. Все буду видеть, все знать! Снова окажусь в центре жизни, придворная дама новой королевы Анны. Стану ей верно прислуживать — не хуже, чем трем другим английским королевам, женам Генриха. Если он осмелился жениться снова, не побоялся призраков былого, чего страшиться мне?

А еще буду служить моему родичу, дядюшке покойного мужа, герцогу Норфолку, Томасу Говарду, величайшему человеку в Англии, если, конечно, не счи-

тать короля. Вояке, знаменитому внезапными жестокими атаками и быстрыми походными маршами. Придворному, не подвластному никаким веяниям, всегда стоящему на страже интересов короля, собственного семейства и себя самого. Человеку таких благородных кровей, что у него не меньше прав на престол, чем у любого из Тюдоров. Он мой родич и покровитель, мой господин. Он уже спас меня однажды от неминуемой смерти, научил, что делать и что говорить. Подхватил меня, когда я споткнулась, провел сквозь тени Тауэра, вывел к свету. С тех пор я ему предана до гроба. Он знает — я целиком принадлежу ему. И у него нашлась для меня работенка, теперь я смогу заплатить свой должок.

АННА

Клеве, ноябрь 1530 года

Получилось! Я выиграла! Буду английской королевой. Амелия прижимает платок к глазам, она простужена, но делает вид, что плачет о моем отъезде. Маленькая лгунья! Она совершенно не расстроится, когда я уеду. Ей же лучше — останется единственной герцогиней в Клеве, это гораздо приятнее, чем быть при мне младшей сестренкой. А когда я выйду замуж — ах, что за брак! — ее шансы на удачный союз значительно повысятся. Мать тоже не выглядит особенно счастливой, но ее тревога совершенно искренна. Хотелось бы думать — она не хочет расставаться со мной, но дело не в этом. Ее беспокоит, сколько денег из казны моего брата придется заплатить за путешествие и за свадебные наряды. Она его казначей, его домоправительница, и, хотя Англия не требует приданого, эта свадьба обойдется дороже, чем хотелось бы моей матери.

— Даже если герольдам не надо платить, их надо кормить, — раздраженно ворчит она.

Как будто герольды — дорогая, редкая игрушка, на которой я настаиваю из тщеславия. Сибилла, одолжившая нам герольдов, откровенно написала мне — ее репутация в Саксонии будет подпорчена, если я отправлюсь к одному из величайших монархов Европы только что не в телеге и всего с парочкой стражников.

Брат все больше помалкивает. Это его величайший триумф, громадный шаг для герцогства вперед, в мир. Он в союзе с остальными протестантскими герцогами и принцами Германии, все они надеются — этот брак побудит Англию присоединиться к ним. Если протестантские державы объединятся, то смогут атаковать Францию или земли Габсбургов, принести туда реформу. Они смогут и до Рима дойти, ограничить влияние папы его собственным городом. Во славу Господу послужит, если я стану хорошей женой мужу, который ни разу еще не был доволен.

— Выполняй свой долг перед Богом так же, как перед супругом, — напыщенно заявляет брат.

Что именно он имеет в виду? Я жду продолжения.

— Его религия идет от жен. Женился на испанской принцессе, и сам папа назвал его защитником веры. Леди Анна Болейн привела его от суеверия к свету реформы. С королевой Джейн он вернулся к католицизму, и, не умри она, он бы помирился с папой. Теперь, хоть он и не друг папе, Франция остается почти католической. В любой момент он снова может стать настоящим католиком. Но если ты поведешь его куда должно, он объявит себя протестантским королем и объединится с нами.

— Постараюсь, — неуверенно говорю я. — Но мне только двадцать четыре, а ему сорок восемь, и он стал королем еще в юности. Он может меня не послушаться.

— Знаю, ты исполнишь свой долг.

Брат сам себя уговаривает, но чем ближе мой отъезд, тем больше у него появляется сомнений.

— А ты за нее не боишься? — тихонько спрашивает мать.

Брат сидит за вечерним бокалом вина и смотрит в огонь, будто пытается прочесть там будущее без меня.

— Будет хорошо себя вести, ничего с ней не случится. Но бог его знает, он привык ни в чем себе не отказывать.

— Ты о его женах? — шепотом спрашивает мать.

Вильгельм пожимает плечами:

— Она никогда не даст ему повода для сомнений.

— Надо ее предупредить. Он властен над ее жизнью и смертью. Он может сделать с ней что угодно.

Я прячусь в глубине комнаты, последнее замечание брата вызывает у меня улыбку. Он сам себя разоблачил, наконец я поняла, что тревожило его все эти последние месяцы. Ему будет меня не хватать. Он будет скучать по мне, как хозяин скучает по ленивой собаке, которую утопил в припадке гнева. Он привык придирается ко мне, выискивать ошибки, мучить меня по мелочам десять раз на дню, и теперь, когда другой человек получает надо мной власть, ему досадно. Если он хотя бы любил меня — ревность можно понять. Но его чувство ко мне — не любовь. Больше похоже на застарелую ненависть, настолько ставшую привычкой, что мысль вырвать меня, как больной зуб, не приносит облегчения.

— Может, в Англии от нее будет толк, — цедит брат. — Здесь она совершенно бесполезна. Пусть приведет его к истинной вере. Пусть король объявит себя лютеранином. Если, конечно, она не испортит дело.

— Да что она может испортить? — возражает мать. — Всего-то и нужно — родить ему ребенка. Дело нехитрое. Здоровье у нее в порядке, месячные приходят регулярно, двадцать четыре — подходящий возраст.

Мать на минуту задумывается, потом беспристрастно продолжает:

— Он захочет ее. Она хорошо сложена, умеет себя держать, я за этим проследила. Он похотлив, не раз уже влюблялся с первого взгляда. Поначалу он, возможно, получит от нее немало удовольствия, хотя бы потому, что она будет для него в новинку, к тому же девственница.

Брат вскакивает на ноги. Щеки у него пылают не только от огня.

— Стыд и позор! — кричит он.

Все вокруг замолкают, поспешно отворачиваются, стараясь не встречаться с ним взглядом. Тихонько поднимаюсь со скамеечки и отхожу вглубь комнаты. Когда брат начинает гневаться, лучше исчезнуть.

— Сын, я не имела в виду ничего дурного. — Мать старается его успокоить. — Я просто хотела сказать — она и долг свой выполнит, и мужа ублажит.

— Мне невыносима сама мысль... — Голос брата прерывается. — Это невозможно, она не должна соблазнять его. Ничего нецеломудренного, никакого разврата. Внушите ей — она прежде всего моя сестра и ваша дочь, а потом уж жена. Пусть держит себя холодно, с достоинством. Она ему не шлюха какая-нибудь, нечего ей изображать из себя бесстыжую, жадную...

— Нет, конечно нет, она совсем не такая. Вильгельм, дорогой мой сын, ты же знаешь, она воспитана в строгости, в страхе Божьем, в уважении к старшим.

— Еще раз повторить не помешает.

Он опять орет. Ничем его не унять. Лучше тихонько уйти. Он будет вне себя, если заметит, что я видела его таким. Пошарила позади себя, нащупала уютное тепло гобелена на задней стене. Продвигаюсь потихоньку, темное платье почти незаметно в полумраке.

— Я ее видел, когда этот художник был здесь. Тешила свое тщеславие, выставляла себя напоказ. Туго...

туго... зашнурована, вся грудь наружу, только бы вождение вызвать. Матушка, она способна на грех. Она склонна к... Она склонна к... Она полна... — Он не в силах продолжать.

— Нет, нет, — увещевает мать. — Она для нас старалась.

— Похоти!

Одно-единственное слово падает в тишину комнаты, оно может относиться к кому угодно, скорее к брату, чем ко мне.

Я уже у самых дверей. Тихонько приподнимаю задвижку, придерживаю пальцем, чтобы не щелкнула. Три придворные дамы привычно поднимаются, загромождают мой побег от тех двоих у камина. Дверь открывается, смазанные маслом петли даже не скрипнули, только пламя свечей колыхнулось от сквозняка, но брат и мать, поглощенные друг другом, придавленные ужасным словом, ничего не замечают.

— Ты уверен? — доносится до меня вопрос матери.

Ответа я уже не слышу. Закрываю дверь и быстро иду в нашу комнату. Фрейлины сидят вместе с сестрой у камина и играют в карты. Попытались их спрятать, когда я открыла дверь и шагнула в комнату. Увидев меня, облегченно рассмеялись — их не поймали. Во владениях моего брата азартные игры для незамужних женщин — запрещенное удовольствие.

— Иду спать, голова болит. Не приставайте ко мне, — резко объявляю я.

Амелия понимающе кивнула:

— Давай попробуй. А что ты наделала?

— Ничего. Ничего, как всегда.

Я прохожу в спальню, швыряю платье в сундук в изножье кровати, в одной сорочке забираюсь в постель, задергиваю полог и натягиваю одеяло. Дрожу под холодными простынями и жду приказа, знаю — он вскоре последует.